

неделя, 1985, 12 апр., № 15

РОВЕСНИКАМ
САШКИ

У героев Вячеслава Кондратьева есть одна отличительная черта — они все молодые: и Сашка — герой одноименной повести, и Володька — лейтенант из «Отпуска по ранению», и те, кто вернулся после войны на Сретенку, и те, кто остался на Овсянниковом поле подо Ржевом. И поэтому именно с Вячеславом Кондратьевым мы решили повести разговор не только о молодых на войне, но и о тех, кто сегодня молод, и о том, что значит для них, сегодняшних, память о военной угрозе, которая отгремела над нашей землей четыре десятилетия назад.

— Вячеслав Леонидович, каждый писатель, наверное, имеет в виду определенного читателя. К кому вы обращались, кого имели в виду, когда писали? Своих ровесников или сегодняшних молодых?

— Ну, вряд ли писатель имеет в виду определенного читателя. Когда я начал писать, я как-то совсем не думал о читателе, мне нужно было «выбросить» из души свою войну, рассказать о ней предельно правдиво. Это я полагал своим нравственным долгом по отношению к «живым и мертвым». В посвящении к «Сашке» я так и написал: «Всем воевавшим подо Ржевом — живым и мертвым посвящена эта повесть». Но это, конечно, не значило, что я писал ее только для участников боев за Ржев, мне было важно, чтобы все узнали о том, что пережили, как воевали люди подо Ржевом, тем более что написано об этом было мало.

В начале 60-х, когда сам был уже далеко не молодым человеком, я вдруг заново стал переживать пережитое в молодости, второй раз «попал» на войну. Видимо, подошли лета, пришла зрелость, а с ней и понимание того, что война — это самое главное, что было у меня в жизни. Схватила меня война за горло, и стал я жить какой-то странной двойной жизнью. Одна — в реальности, другая — в прошлом. Ночами я словно молодел на два десятка лет — приходили ко мне ребята из моего взвода, мы крутили самокрутки, глядели в высокое ржевское небо, ожидая очередной бомбежки, и я просыпался, когда от пикирующего фашистского самолета отделялась бомба и летела прямо на меня, и я понимал: это моя бомба. Именно тогда я начал разыскивать своих ржевских однополчан. Как нужен мне был хоть кто-то из них! Но я никого не нашел. И мысль о том, что, может, только я один и уцелел, пронзила; тем более я обязан рассказать обо всем, о моей войне.

Да, конечно, война была одна на всех. Воевали миллионы. Но у каждого, я уверен, была своя, малая, особая война, не похожая на войну других. Такая же неповторимая, как человеческая судьба. К тому времени, когда я взялся за перо, о войне уже было написано немало прекрасных страниц. Но я тщетно искал и не находил в этой прозе своей войны. Не находил и убеждался, что напрасно искать ее в произведениях других. О своей войне я могу рассказать только сам. И еще. Я понял, что если не расскажу я, что-то о войне останется неизвестным, какую-то ее страничку так никогда и не прочтут. А уже уходили из жизни участники войны, нас становилось все меньше на земле, и каждый из ушедших уносил свое, не рассказанное...

Вы спрашиваете, о ком я думал, взявшись за перо. Я думал о них, моих товарищах по оружию, но писал, наверное, все-таки для тех, кто не знал войны. Им я хотел рассказать о людях, спасших Россию.

— Есть ли у вас обратная связь с молодыми? Что говорят они, ровесники Сашки?

— Я получил письмо от юноши, который служит в Афганистане. Он благодарил за повесть «Сашка» и писал, что правдивый рассказ о военных буднях помог ему преодолеть тяготы службы. Страшная правда Сашкиной жизни подготовила солдата, научила преодолевать страх, а значит, научила храбрости.

Однажды по радио был прочитан мой рассказ «Привет с фронта». Напомню, это роман в письмах юной медсестры и двадцатилетнего лейтенанта. Каждое свое послание он начинал: «Привет с фронта!» Письма его обрываются, в последнем — засушенный цветок с передовой. История эта невыдуманная. У моей жены хранится связка писем с фронта и засушенный цветок. Письма эти не от меня, мы тогда еще не были знакомы.

На радио после той передачи пришла большая почта. Условно ее можно было разделить на два потока — письма от сегодняшних молодых и письма от женщин, чья молодость пришла на войну. Жен-

щины сами о себе писали: «Мы те, кто так и остался с «приветом с фронта». Одна слушательница поделилась: «У меня хранится двести писем с войны. Двести первое — похоронка». Но более всего меня поразил и обрадовал высокий накал чувств, боль сопереживания, которые пронизывали письма парней и девушек. Они по-молодому остро переживали трагедию чужой несостоявшейся любви.

— Вячеслав Леонидович, на Западе нас упрекают в том, что мы якобы слишком много говорим и пишем о прошлом, слишком часто вспоминаем войну. Нужно, поучают нас, больше думать о будущем. Зачем, мол, оглядываться назад.

— Весной шестьдесят второго, как раз в то время, когда на меня вторично нахлынула война, я поехал подо Ржев. Протянул 20 километров пешком до своей бывшей передовой, до своего Овсянникова поля. Почти два десятилетия, как отгремели здесь бои. А ржевская земля все помнила. Она лежала истерзанная, изрытая воронками, на ней еще валялись и ржавые каски, и солдатские котелки. Еще торчали кое-где оперения неразорвавшихся мин, и — это было самым страшным! — я увидел незахороненные останки. И сердце мое рвала мысль о том, что это останки тех, кто хлебал вместе со мной пшенку из котелка... Я был потрясен увиденным. Здесь, на Овсянниковом поле, я разорвал 300 страниц ржевской прозы, которые к этому времени написал. Разорвал, потому что понял: написано недостаточно правдиво... Даже земля не зажила еще ран, нанесенных войной, что же говорить о сердце человеческого! Наши сердца навечно ранены войной. Сердца матерей, которые до сих пор ждут не вернувшихся с войны сыновей, сердца вдов, состарившихся в одиночестве, сердца детей, уже зрелых людей, так и не знавших в жизни тепла отцовской руки. 20 миллионов жизней, которые унесла война, — это значит горе практически в каждой семье.

Да, на Западе критики упрекают нашу литературу в том, что она много пишет о прошлом, в частности, о войне. Им не понятно, что значила для нашего народа война, принесшая неисчислимые страдания, неизбывное горе. Для нас война еще не история, а незаживающая, кровоточащая рана, вот почему мы пишем и будем писать о войне.

О себе могу сказать: я счастлив тем, что мне в какой-то мере удалось подойти к очень важному — к человеку, занимающему, по словам Константина Симонова, «самую трудную должность» на войне — к рядовому Великой Отечественной. Я не случайно говорю полноты: много еще надо рассказать о солдате, рядовом войн.

— Молодых интересуют вопросы глобальные — совести, чести, долга. Их волнует даже не кем быть, а каким быть. Как вы считаете, ваши повести отвечают на эти вечные вопросы? Все-таки они об особом состоянии духа, особом времени. Помогают ли они сегодняшним ребятам выстраивать свою судьбу?

— Война распахивает человеческие души, и рассказ о войне — это всегда разговор о нравственности. Такие категории, как совесть или выбор, в военное время, особенно обнажены. И мои герои постоянно решают эти проблемы. В «Отпуске по ранению» лейтенант Володька приезжает из-под Ржева домой, в Москву, встречается с Тоней, которая может помочь ему остаться недалеко от Москвы. Но мой герой выбирает Ржев. Он делает свой, безукоризненно точный нравственный выбор. Повесть эта пользуется особой популярностью. Ее ставили Театр на Малой Бронной, студия «Драматург», другие театры страны. Молодые режиссеры и актеры говорили мне, что для них привлекателен пронзительный психологизм и совпадение с мыслями и нравственными вопросами сегодняшнего дня. «Разве проблемы выбора, долга, совести исчезли в наше мирное время?» — говорили мне ребята. — Ведь именно это и делает спектакль современным».

Я думаю, что нашему разговору хороший итог подводит одно письмо, которое я получил от парня, заканчивающего солдатскую службу. Он прочел «Встречи на Сретенке» и написал мне: «Мы живем в послевоенное время, но и нашему поколению выпало немало испытаний. Многие проблемы, описанные вами в повести, не утратили своей остроты и сегодня. После того, как я прочел «Встречи на Сретенке», мне не давала покоя мысль: «Куда идти после службы в армии?» Но теперь я, наконец, принял решение, и ваша повесть укрепила его. Буду поступать на исторический факультет».

Беседу вел
Ксения ПОКРОВСКАЯ.